

Борис Михайлович, как возник замысел картины «Безымянная высота»? Ведь он очень необычен для того времени, когда в людях еще не остыли гнев и ненависть...

- Эта картина появилась благодаря моей первой фронтовой поездке. Меня направили в Панфиловскую дивизию, которая вела бои в районе города Холм. Наши солдаты и немцы перестреливались, завязнув в непролазных болотах. Там в землянке я впервые увидел, как на фронте читают письма, это впечатление легло в основу картины «О далеких и близких». От города Холм я направился к Великим Лукам, где шли тяжелые бои. По дороге присел на какой-то, как мне показалось, покрытый снегом пенек - подкрепиться сухариками. Смотрю - что-то рядом от ветерка колыхается, будто трава. Но трава-то зимой замерзает. И меня вдруг пронзило - это волосы. Оказалось, я сел... на труп немца. Это был молодой парень, моего возраста, лет двадцати, даже чем-то на меня похожий. Меня это потрясло. Ведь я представлял себе фашиста настоящим зверем. А тут мальчишка! Через несколько лет после войны тот случай всплыл в памяти с поразительной ясностью. Я принялся за работу. В общей сложности я написал пять вариантов «Безымянной высоты». У каждого своя история. Один сейчас находится в германском музее, другой - в Японии. Первый вариант я уничтожил, последний стоит у меня в мастерской - картина называется «Это мы, Господи».

Когда началась война, у вас были, конечно, иные представления о ней.

- Я тогда был просто слишком молод. В 1941 году учился на третьем курсе в Московском художественном училище имени 1905 года. Призывного возраста еще не достиг. Нас, студентов, направили под Смоленск рыть окопы, строить блиндажи - словом, готовить линию обороны. Естественно, испытали и обстрелы, и бомбежки. Когда немецкое наступление подошло вплотную, нас вернули в Москву. Потом была эвакуация в Саратов, где оказалось художественное училище. Летом 1942 года его окончили на «отлично». Мои работы увидел директор Студии военных художников имени М.Б. Грекова. Он предложил мне поехать на фронт в качестве военного художника. Ведь настоящему художнику в такое время надо находиться на фронте, а не в тылу. Студия военных художников имени Грекова была настоящей воинской частью. Я окончил войну в звании старшины. Потом стал лейтенантом. Уходил же из студии Грекова в звании майора.

Как складывалась судьба фронтовых рисунков?

- Многие уходили в редакции газет. Сын редактора одной из них, той, в которую в 1945 году я посылал рисунки из Берлина, даже отыскал меня недавно, чтобы вернуть сохранившиеся у него мои работы. Цели и берлинские этюды. В общей сложности их около 25. Хотел к 60-летию Победы издать их вместе с другими работами. Но спонсоры не нашлись.

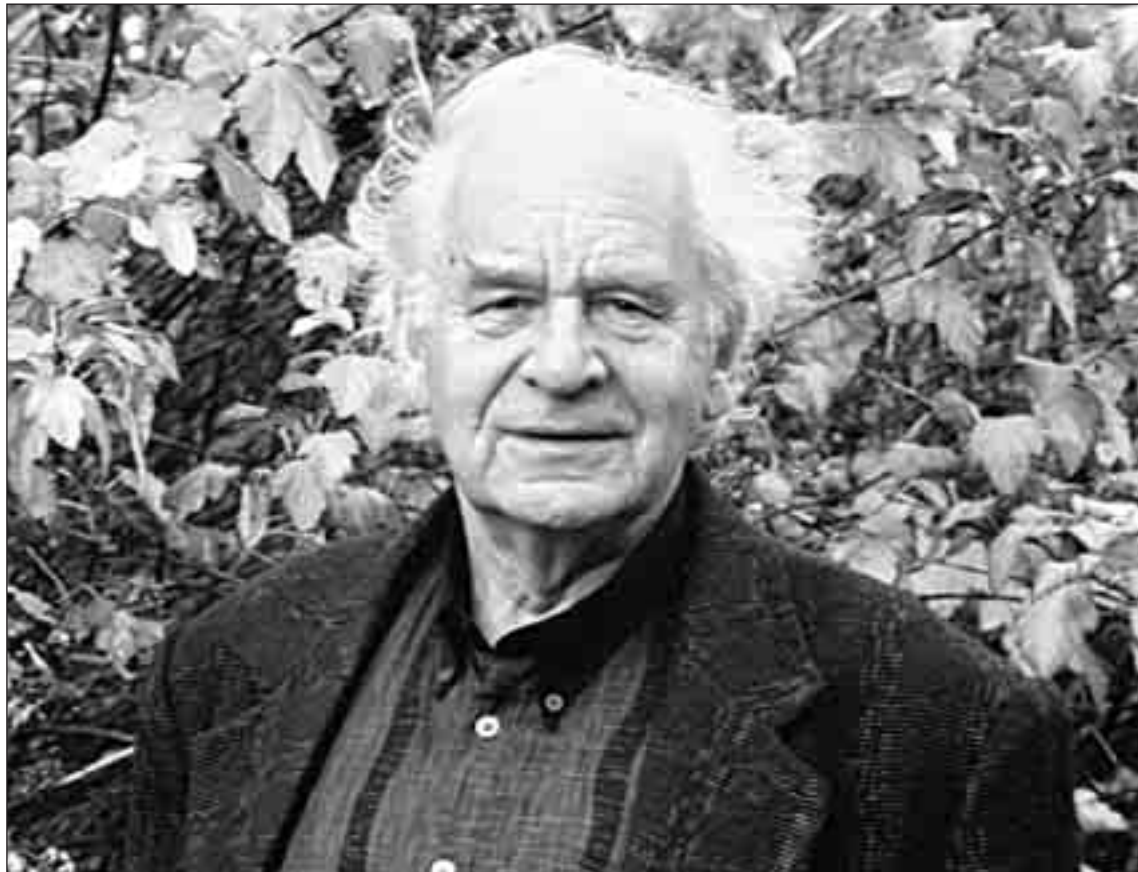
В переписке между фронтовыми командировками мы обычно занимались организацией выставок. С фронта привозили рисунки, готовили передвижную экспозицию, обезжашую военные части, и сразу же отправлялись на другой фронт. Перед последней берлинской командировкой я два месяца посвящал работе над картиной «Мать». Это моя первая серьезная картина, которая была приобретена Третьяковской галереей и получила известность.

Расскажите, как создавались берлинские этюды.

- Представьте, один из этюдов я писал, сидя посреди одной из центральных берлинских улиц - Фридрихштрассе в шикарном кожаном кресле, которое чудесным образом очутилось на мостовой. Все вокруг было окутано пологом дыма и огня. Солдаты подтаскивали меня в кресле вперед, чтобы не завалило обломками, а я писал этюд. Он, кстати, сохранился.

Три этюда были написаны в день Победы. О том, как погиб третий этюд, могу даже рассказать любопытную историю. Чтобы найти нужный ракурс, я влез на Бранденбургские ворота, откуда хорошо просматривалась догорающая Унтер ден Линден. Писал до темноты. А вечером меня заметили друзья из студии Грекова. «Эй, спускайся! Мы достали чудесное вино! Отпразднуем!», - стали они кричать мне снизу. А я еще не закончил этюд и на их угрозы сразу не поддавался. В конце концов с огромным штофом какого-то действительно очень хорошего вина они забрались ко мне. Мы посидели, выпили за Победу, за наших солдат. И в абсолютной темноте стали спускаться вниз. Мне как наиболее трезвому доверили штоф. И вот когда я спускался, мой этюдник стал сползать. Пока мог, я перехватывал лестницу то руками, то подбородком. Но все-таки оказался перед выбором - спасаю штоф или этюдник. Но штоф

Весенняя, глинистая, еще не зазеленевшая травой земля. На ней два убитых молодых солдата - русский и немец, лежащие совсем рядом, голова к голове... Эту картину «Безымянная высота», созданную более 40 лет назад художником Борисом Неменским, ждала нелегкая судьба. Ее автора упрекали в том, что он как бы на равных изобразил защитника Отечества и его врага. «Гибель солдат, защищающих свою страну и пришедших ее завоевывать, конечно, не может восприниматься равно. И все же... Художественный взгляд на драматические конфликты жизни во все века отличала прежде всего готовность к состраданию», - говорит Борис НЕМЕНСКИЙ, народный художник России, член Российской академии художеств и Российской академии образования, лауреат Государственных премий СССР и России, ветеран Великой Отечественной войны.

Борис НЕМЕНСКИЙ: ХУЛИТЕЛЯМ ОТЕЧЕСТВА ОСОБЕННО МЕШАЮТ СТАРИКИ

- коллективный, а этюдник - свой. И я выбрал штоф. Этюдник полетел вниз. Он уцелел, а вот этюд погиб - прилип к палитре. Берлинский этюдник, кстати, хранится в Московском дворце детского творчества.

Сейчас ваша картина «Безымянная высота» входит в число наиболее известных произведений о войне. Не обидно, что признание она получила не сразу?

- Я стараюсь об этом не думать. Главное, что картина написана. Когда работал над ней, в мой адрес сыпались упреки в пацифизме. Чтобы сохранить относительную творческую свободу, воспользовался проводившейся в 1945 году демобилизацией офицерского состава. Как члену правления МОСХ мне к тому времени уже выделили мастерскую - и я решил начать непростую жизнь вольного художника. «Безымянную высоту» впоследствии все-таки запретили. Ее можно было выставлять лишь на персональных выставках.

В моей жизни многое складывалось необычно. Так, окончив Суриковский институт уже будучи членом правления МОСХа. Картина «О далеких и близких» была отмечена Государственной премией, когда учился еще на четвертом курсе.

Ваше художественное призвание имеет семейные корни?

- Нет. Мать (в девичестве Парусникова) была дочерью священника. Она сбежала из дома, потому что отец против ее воли выбрал ей жениха. Устроилась в Москве регентом церковного хора и одновременно поступила на зуборачные курсы. У подруги познакомилась с моим отцом. Он занимался профсоюзной деятельностью, за что его арестовали, посадили в тюрьму, потом приговорили к ссылке. Чтобы ехать в ссылку вдвоем, родители поженились и отравились в Нижний. После февральской революции 1917 года вернулись в Москву. Им выделили квартиру на Сретенке. Там и появился на свет я.

Рисованием начал увлекаться со школьных лет. Родители в этом очень меня под-

держивали. Они не были профессионалами, но дома у нас, например, хранится написанная масляными красками иконка очень тонкой работы, которую мама скопировала с иконописного образа (до революции в церковных школах непременно обучали этому мастерству).

А отец развлекал меня карикатурами. Он учился в лицее, в котором учитель изобразительного искусства являлся едва ли не первостепенной фигурой. Соответственно, этому предмету уделяли много времени.

Первое время я занимался рисованием самостоятельно. А потом приятель Генрих Коносевиц - замечательный парень, белорус, к сожалению, погибший на фронте, - позвал меня в городской Дворец пионеров. Он находился в старинной городской усадьбе в переулке Стопани - неподалеку от метро «Кировская» (теперь «Чистые пруды»). Кружок изобразительного искусства вел молодой педагог Александр Михайлович Михайлов, впоследствии сотрудник кафедры изобразительного искусства Московского государственного педагогического университета, которую я возглавлял. Среди его учеников немало известных художников - председатель Союза художников России Валентин Сидоров, Виктор Иванов, Андрей Васнецов (последний художник из рода Васнецовых).

Михайлов устраивал выставки детских работ в Третьяковской галерее. Конечно, нас очень вдохновляло сознание того, что наши работы выставлены рядом с картинами Левитана, Репина...

Под вашим руководством разработана концепция «Художественное образование как духовная культура». Она легла в основу и преподавания изобразительного искусства в общеобразовательной школе. Каковы ее основные идеи?

- Самое главное: искусство должно быть доступно каждому человеку, в том числе ребенку. Сейчас я возглавляю Центр непрерывного художественного образования при Московском комитете образования. По

замыслу он должен поддерживать занятие творчеством подрастающего поколения начиная от детского сада и до вуза.

Моя жена - Лариса Александровна Неменская - в свое время преподавала во Дворце пионеров. Первые поиски нового подхода и начались там. Потом мы разработали школьную программу с 1-го по 9-й класс, ставшую одной из трех государственных образовательных программ по изобразительному искусству; написали учебники для первых пяти классов. Их тираж прошлой весной перевалил за миллион экземпляров. Сейчас по этой программе работают в тысячах российских школ.

Особенно важным мне представляется содержание программы для 4-го класса. Ее тема: «Каждый народ - художник», а затрагивает она проблемы патриотического, национального воспитания. В нее входит изучение русской культуры - сначала сельской, потом городской, а также древних культур мира. Очень важно осознавать, что именно в многообразии художественных традиций - подлинная красота, достоинство и богатство мировой культуры. Зато унификация, стремление подогнать культуру под единый шаблон, которое в наши дни демонстрирует масс-культура, губительны.

Последний раздел программы назван «Искусство объединяет народы». Здесь речь идет о духовном единстве, которое обнаруживает себя в вечных темах и образах материнства, мудрости, героизма, доброты... Словом, через понимание многообразия и своеобразия культур мы приходим к духовному единству.

Ежегодно центр проводит общероссийский творческий семинар «Мастерская Неменского» для учителей со всей России. В этот раз мы будем обсуждать этнокультурное воспитание в художественном образовании. Эта тема очень актуальна для Москвы, где сейчас живет огромное число представителей разных национальностей. В этих группах населения происходит развитие национального самосознания, с одной сторо-

ны, и проникновение в традиционную русскую культуру, с другой. Только на взаимодействии этих принципов может сегодня строиться и художественное образование. В то же время многие из тех, кто приехал в Москву, не знают ни русского языка, ни русской культуры. В результате приезжие становятся в столице чужаками. И мы почти не прикладываем усилий, чтобы исправить такое положение. А ведь люди, которые не понимают друг друга, - это чужие люди.

И какова в решении этой проблемы роль художественного творчества?

- Прежде всего Россия должна осознавать своеобразие своей культуры - понять, что она не Восток и не Запад, а особая цивилизация, которая возникла и развивалась во взаимодействии восточной и западной культур. Для нее характерны редкая восприимчивость и всеохватность. Свообразие наших художественных традиций и должно стать предметом пропаганды. Кстати, и Америка, и европейские страны тратят огромные средства для продвижения своих культур. У нас же отсутствует даже постановка такой проблемы. Неудивительно, что в русской среде многие люди с презрением относятся к собственной культуре.

У нас и патриотизм стал едва ли не ругательством. Его почему-то сочили признаком тоталитаризма. Хотя очевидно: каждый народ должен уважать и ценить свою самость, свои культурные традиции, национальное самосознание. Народ должен быть верен своей истории. Ведь через нее выражается его индивидуальное своеобразие. Лично для меня вся история России - с древних времен до нынешнего дня - это моя история. Я ни от чего не имею права отказываться. Однако ответственность за то, что часть россиян не понимает культуры своей страны, в значительной мере лежит на плечах художественного образования. Оно должно прививать интерес и любовь к родной культуре и традициям других народов. Вместо этого изобразительное искусство и музыку вообще пытаются выводить за пределы обязательной школьной программы. Хотя наше образование знало и другие времена. В течение двадцати лет, когда я работал секретарем Союза художников, мы вместе с композитором Дмитрием Кабалевским боролись - и весьма успешно - за укрепление позиций художественных дисциплин в школьной программе. В конце 1970 года начался всесоюзный эксперимент по определению нового содержания школьного образования как основы духовной культуры народа. Вместе с Кабалевским мы старались, насколько возможно, способствовать развитию изобразительного искусства и музыки. Я и теперь считаю, что это реальный путь сохранения и спасения нашей культуры, без которой не может существовать ни общество, ни государство.

Но согласитесь, критический настрой к собственной культуре, истории - это тоже наша традиция, которая сформировалась еще в царской России.

- Однако сегодня мы стали просто чемпионами по самооплевыванию. Лично меня как фронтовика глубоко оскорбляют разговоры, что Жуков, мол, «мясник». Мои фронтовые командировки начались в 1942 году, а закончились в день Победы. Но я ни разу не встречал заградотрядов, хотя постоянно передвигался от части к части. Нигде не видел, чтобы мы забрасывали трупами немецкие окопы, как теперь говорят. Войну мы выиграли не только кровью, но мудростью и талантом наших полководцев, находчивостью, смелостью и отвагой русских солдат.

Многие средства массовой пропаганды - и нашей, и западной - стараются доказать, что к великой нашей Победе над фашизмом мы почти не имеем отношения. Правда, хулителям нашей истории мешают участники войны - пока они живы. Но многие, особенно молодые, увы, начинают этому верить, что тоже неудивительно. Наши дети воспитываются на чудовищных гангстерских фильмах, которые не знают сострадания. В том числе и к старикам. Между тем жизненный опыт и мудрость передаются прежде всего старшими поколениями. Мы разорвали эту связь - стариков у нас презирают. Случай прямо-таки вопиющий! Вот у нас в доме жил Герой Советского Союза. После смерти близких он остался совершенно одиноким. Прошлой весной по пути к метро потерял сознание - видимо, стало плохо с сердцем. Упал, испачкался в грязи. Так его приняли за бомжа, к нему никто не подошел, не оказал помощи! Только через какое-то время обратились к нашему вахтеру: «Посмотрите, там какой-то человек валяется!» Тот подошел: «Да это же наш Иван Степанович!» А Иван Степанович уже прощается с жизнью...

**Беседу вел
Антон БОНДАРЕВ**